

РЕЦЕНЗИИ

А.Д. МИХАЙЛОВ. ОТ ФРАНСУА ВЬЙОНА ДО МАРСЕЛЯ ПРУСТА. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XIX ВЕКА)

Т. 1–2. М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР, 2009–2010

Андрей Дмитриевич Михайлов подготовил двухтомное собрание своих статей, но не дожидаясь его выхода. Те, кто знали автора, берут теперь в руки это солидное, красивое издание одновременно с горестным и радостным чувством. Мы слышим голос Андрея Дмитриевича, его особые, твердые, убедительные интонации; он говорит с читателем простым, внятным языком, умея и настоять на своем, и выразить свои пристрастия, и поделиться своим так часто трепетным отношением к героям двух его книг: французским писателям от Вийона до Марселя Пруста. Двухтомник включает статьи, написанные за почти пятьдесят лет занятий историей французской литературой, неизменного, верного служения Франции и ее культуре. Служения, которое А.Д. Михайлов надеялся продолжать. Сожалея о том, что в сборник “не вошли хотя бы краткие заметки о литераторах, которые меня живо интересуют, а некоторых из которых я нежно люблю”, он выразил эту надежду: “Может быть, еще настанет их время?”

В предисловии автор характеризует включенные в собрание статьи как написанные в разное время и по самому разному поводу. Это и зачастую переработанные главы из коллективных трудов, и вступительные статьи, и послесловия к научным изданиям текстов, и публикации в журналах и даже газетах. Как правило, статьи представлены в том виде, в каком они были впервые опубликованы, начиная с 1960-х годов. Включив тексты советского периода, А.Д. Михайлов остался верен себе и не сделал никаких уступок изменившейся конъюнктуре. Тем более становится очевидным, что написанное им в общем не нуждается в исправлениях и выдержало испытание временем.

Потому что автор говорит “как власть имеющий”, охватывая широкую панораму французской литературы от раннего Возрождения до начала XX века во всем ее жанровом разнообразии (проза и поэзия, драматургия, эпистолярный жанр, мемуары), детально изучив не только корифеев: Вийона, Рабле, Дю Белле, Ронсара, Корнеля, Вольтера, Дидро, Стендаля, Бальзака, Мериме и многих других, но и писателей “с задней книж-

ной полки”, в творчестве которых “подчас с наибольшей полнотой, ясностью и исчерпанностью обнаруживаются предвестия скорого будущего” (т. 1, с. 11). Среди таких авторов – представленные в сборнике кальвинистский драматург Теодор де Без, Г.-Ж. Гийераг, стоящий у истоков эпистолярного романа, прозаик Клод Тилье, “провинциальная знаменитость”, романист Альфонс Карр, соперник Бальзака, Теофиль Готье, “писатель и путешественник”.

Несмотря на не всегда обновленную библиографию ранее опубликованных статей (что оговорено в предисловии) общая оценка А.Д. Михайловым литературного процесса созвучна современным тенденциям европейской истории литературы даже в тех случаях, когда речь идет о писателях, которыми он вплотную не занимался. Так, его точное замечание относительно того, что “путь от г-жи Коттен к раннему Стендалю или от г-жи де Жанлис к раннему Шатобриану может оказаться естественным и логичным” (т. 1, с. 11), совпадает с новейшими исследованиями “сентиментального воспитания романа”, то есть роли “чувствительных” женских романов конца XVIII – начала XIX века (авторами которых были в частности С. Коттен и С.-Ф. де Жанлис) в формировании нового романа Стендаля, Бальзака и Жорж Санд.

Подобный заинтересованный взгляд на литературу так называемого “второго ряда” находит тем более обоснованное подтверждение, когда такого рода “второстепенному” писателю посвящена отдельная работа, как, например, в случае с Г.-Ж. Гийерагом, автором “Португальских писем”. Статья о нем и его сочинении доказывает, что “направление и смысл литературной эволюции, то новое, что возникает в ее движении, иногда яснее всего проявляется не в теоретических манифестах и трактатах, не в многотомных повествованиях и эпопеях, а в небольшой, казалось бы, случайной книжечке, возникшей где-то на периферии и неожиданно не только оказавшейся в центре литературных споров, но и как бы предсказывающей дальнейшее движение литературы” (т. 1, с. 389).

Именно этому движению, переходным моментам в истории литературы посвящено большинство статей, вошедших в двухтомник. Рассмотрение этих переходных моментов отличается тщательностью и взвешенностью. А.Д. Михайлов знает особенности “языка эпохи” и всегда обращает внимание на укорененность того или иного писателя в литературе его времени.

Учет присутствия выработанных литературных моделей в творчестве разных писателей, таких, как Вийон, который “не выходит за рамки средневековой поэтики” (т. 1, с. 21), Ронсар, в чьих представлениях и образах отразились “влияние античной поэзии, петраркизм, сложное взаимоотношение с национальными традициями” (т. 1, с. 224), или Сен-Симон, который “вписывался в очень разработанную историографическую традицию” (т. 1, с. 445), ставит изучение истории литературных жанров и стилей на твердую почву, восстанавливает в правах культурный контекст эпохи и в то же время не препятствует выявлению постепенной смены литературных парадигм, анализу новой разработки старых тем. Так, «вольтеровские повести возникают на скрещении <...> разнородных традиций и влияний и складываются в очень специфический жанр – жанр “философской повести”» (т. 2, с. 25).

Русская литература неизменно присутствует в двухтомнике, будь то упоминания о переводе тех или иных произведений французской литературы на русский язык, цитаты из Пушкина, Кузмина и других русских поэтов, созвучные образам, созданным французскими писателями, или целые статьи, посвященные Мариво в русских переводах и на русской сцене, русскому Бальзаку, Мериме в русской печати, проблеме “Пушкин и Стендаль”, русской судьбе Марселя Пруста.

Завершает двухтомное собрание цикл статей о творчестве Пруста, последней любви А.Д. Михайлова, который писал о нем книгу, хотел из-

дать несколько томов его писем в русском переводе. Статьи о Прусте изобилуют интереснейшей информацией и предлагают свой взгляд на писателя, “которого можно считать, пусть и с известными оговорками, завершителем определенной литературной традиции” (т. 2, с. 571).

Жаль, что аннотация к первому тому, в которой речь идет о литературе XV–XVII веков, предваряет без изменений и том второй, который посвящен другим эпохам. Порой имеются лакуны в библиографических справках: в них нет указаний на первые публикации статей “Пушкин и Стендаль” и «“Итальянские хроники” Стендаля», хотя они написаны явно не для настоящего издания, как сказано о статьях, не фигурирующих в библиографических справках. Первопроходческой в российском литературоведении является не публиковавшаяся ранее статья “Пьер Луис и фривольный роман на грани столетий”.

Двухтомник статей А.Д. Михайлова – своего рода подведение итогов, словно в предчувствии скорого ухода. Эти итоги впечатляют энциклопедичностью знаний, основательностью и проникновенностью практически полной картины французской литературы, которая зачастую предстает в ее связях с другими литературами: итальянской, испанской, немецкой, английской, русской. При этом автору всегда интересно не только то, как сделано художественное произведение, каким был породивший его литературный контекст, но и человеческое измерение романа, трагедии, стихотворения, игра страстей, во власти которых оказываются литературные герои, то, как они любят, ненавидят, выбирают добро или зло, жизнь или смерть, особенно в те роковые эпохи, когда любой выбор оказывается “наихудшим”. Перед читателем – не только досконально изученная, но и тонко, глубоко прочувствованная история французской литературы.

Е.П. Гречаная